

STEPHEN
THE DARK TOWER
~THE GUNSLINGER~

THE WAY STATION

СТИВЕН
КИНГ
ТЁМНАЯ БАШНЯ
— СТРЕЛОК —

ДОРОЖНАЯ СТАНЦИЯ

Издательство «АСТ»
Москва

УДК 821.111-312.9

ББК 84(7Coe)-44

К41

Stephen King
Robin Furth, Peter David, Laurence Campbell, Richard Isanove
DARK TOWER: THE GUNSLINGER
The Way Station

Originally published in the English language by Marvel Worldwide, Inc. under the title
Dark Tower: The Gunslinger – The Way Station

Печатается с разрешения литературных агентств Ralph M Vicinanza Ltd,
Andrew Nurberg Literary Agency

Кинг, Стивен.

К41 Тёмная Башня. Стрелок. Книга 4. Дорожная станция: графический роман / Стивен Кинг; перевод с английского Всеволод Степанов. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 144 с. — (Графические романы Стивена Кинга).

ISBN 978-5-17-101719-4

Оставив за спиной опустошённый Талл, Роланд идёт по пустыне Мохане. У него нет мула и почти ничего при себе — только песок под ногами и выжигающее душу солнце. Впереди бежит Человек в Чёрном.

После долгого и мучительного перехода стрелок добирается до дорожной станции. Человек в Чёрном успел здесь побывать, но уже ушёл. Только мальчик по имени Джон — или Джейк? — встречает Роланда с вилами в руках. Мальчик из места под названием Нью-Йорк. Он рассказывает о «фильмах», «тротуарах» и «небоскрёбах». Он видел вещи, в которые не поверил бы ни Роланд, ни кто-то из его друзей — кроме одной. Мальчик видел Человека в Чёрном вблизи. Тот убил его. Однако сейчас Джейк жив, попав в Срединный Мир — хотя как, не понимает никто.

Из Джейка выйдет идеальный спутник для стрелка. Поскольку, как и все остальные, кто помогал Роланду, он, скорее всего, тоже умрет... опять. Дорожная станция рассказывает жестокие истории.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-101719-4

© 2011 and 2012 Stephen King.

© В.А. Степанов, перевод на русский язык, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Креативный и исполнительный директор

Стивен Кинг

Сюжет

Робин Фёрт

Сценарий

Питер Дэвид

Художники

Лоренс Кэмпбелл

Ричард Исанов

ПИСЬМО РЕДАКТОРА

Дорогой Постоянный читатель, добро пожаловать на «Дорожную станцию». Как и «Путешествие начинается» и «Битва при Талле», этот сюжет — адаптация одной из ранних частей «Стрелка». Для тех, кому интересна история литературы: обе пересказанные в этой книге главы изначально были опубликованы как рассказы в журнале «The Magazine of Fantasy and Science Fiction» в восьмидесятых. «Дорожная станция» была напечатана в 1980-м, а «Оракул и горы» в 1981-м. Кажется, что это было очень давно? Да, пожалуй, что так. Впрочем, все мы знаем, что наш бродяга-стрелок неподвластен времени!

Как заметят поклонники романа, наша нынешняя история гораздо длиннее, чем соответствующая ей часть «Стрелка». Первая часть книги, которую вы сейчас держите в руках, занимает больше двадцати страниц, в то время как оригинал — всего четыре с половиной. Как нам удалось так удлинить сюжет? Ну, это связано с искусством превращать слова в изображения.

В первую очередь давайте взглянем на оригинальный текст, написанный самим Кингом. «Дорожная станция», которая является второй главой «Стрелка», начинается так:

Весь день у него в голове крутился один детский стишок — такая сводящая с ума напасть, когда какие-нибудь строчки привязываются к тебе и никак не желают отстать, маячат, насмехаясь, где-то на краешке сознания и корчат рожи твоему рациональному существованию. Стишок звучал так:

Дождь в Испании идёт, скоро все водой зальёт...

Он... знал, почему у него в голове всплыл именно этот стишок. В последнее время ему часто снился один и тот же сон: его комната в замке и мать, которая пела ему эту песню, когда он, такой маленький и серьёзный, лежал у себя в кровати у окна с разноцветными стёклами... Она пела ему только во время дневного сна, и он до сих пор помнил тяжёлый серый свет дождливого дня, дрожащий на цветных радужных стёклах. Он до сих пор явственно ощущал прохладу той детской и грузное тепло одеял, свою любовь к матери, её алые губы, её голос и незатейливую, привязчивую мелодию детской песенки.

И вот теперь эта песня вернулась... словно пёс, что гоняется за своим хвостом. Вода у него давно кончилась, и он не строил иллюзий насчёт своих шансов выжить... Начиная с полудня, он уже не смотрел вперёд, а лишь уныло глядел себе под ноги. Под ногами была бес-трава, чахлая, жёлтая... Местами ровная сланцевая поверхность повыветрилась, обернувшись россыпью камней. Горы не стали заметно ближе, хотя прошло уже целых шестнадцать дней с тех пор, как он покинул жилище последнего поселенца на краю пустыни, скромную

*хижину совсем молодого ещё человека, полоумного, но рассуждавшего вполне здраво*¹.

Красота этого отрывка заключается в его яркости. Мы, читатели, словно сидим у Роланда в голове, слушая его мысли. Мы слышим песенку, а потом видим короткую, но запоминающуюся сцену в детской, где ему поёт перед сном мать. Внезапно мы возвращаемся в настоящее. Роланд смотрит на растущую вокруг бес-траву, на усыпанную камнями землю. Мы узнаём, что он идёт уже шестнадцать дней и что последним человеком, которого он видел, был живущий в пустыне поселенец по имени Браун. Дальше по тексту мы видим, как Роланд шатается, падает и снова поднимается на ноги. Он слишком горд, чтобы умереть на коленях. Каждый стрелок знает, что такое гордость — эта незримая кость, не дающая шее согнуться. Тому, насколько важна гордость, Роланда научил отец, и то же в него вбил покрытый шрамами старый учитель Корт.

До самого конца этих четырёх с половиной страниц — пока Роланд не находит дорожную станцию и странную призрачную фигуру, прислонившуюся к её стене, — наш стрелок бредёт по высохшему и однообразному ландшафту. Вокруг не происходит почти ничего, за исключением его медленного, но верного продвижения по сланцу. Но нам не даёт оторваться от страницы яркий внутренний монолог Роланда — монолог, подкреплённый короткими, похожими на галлюцинации вспышками воспоминаний, и отчаянной, гонящей вперёд, жаждой. Но вот как нам, сценаристам комикса, превратить внутренний монолог в яркое действие?

Начиная писать эту адаптацию, я долго рассуждала на эту тему. Какой способ лучше выбрать, чтобы превратить первый внутренний монолог Роланда в динамичную, наглядную историю? Как мне передать мощь оригинала, одновременно добавив в него незаметные оттенки, связанные с тем, что это на самом деле лишь одна глава в длинной истории? Казалось, что я стою перед очевидным выбором. Я могла либо обрезать эту сцену, оставив лишь самую суть, и начать с бредущего по пустыне Роланда, либо попробовать более рискованный подход, попытавшись оживить его внутренний монолог, одновременно обыгрывая то, как в романе использовались флэшбеки, возвращение к началу и дежавю. Как я уже сказала, это был более рискованный подход, но я подумала, что у меня получится и тогда у Питера, Лоренса и Ричарда будет больше пространства для манёвра, а значит, мы сможем ещё лучше соответствовать масштабу творения Кинга. В итоге я предпочла рискованный подход безопасному.

Как и в любой истории (рискованной или нет), мне надо было с чего-то начать. Поэтому я решила начать с начала. К сожалению, начать с культовой фразы «Человек в чёрном ушёл в пустыню, и стрелок двинулся следом» было нельзя — мы уже её использовали, причём не раз. Однако я решила,

¹ Перевод Т. Покидаевой.

что могу обыграть следующее важное событие из «Стрелка», а именно встречу Роланда с поселенцем по имени Браун. Как знают мои Постоянные читатели, я тоже уже использовала однажды эту сцену (в начале книги «Путешествие начинается»), но пришла к выводу, что у меня хватает места ещё разок с ней поиграть. В конце концов, такое возвращение к началу хорошо срезонировало бы с темами, которые Стивен Кинг вплёл в переписанный в 2003 году роман.

Как знают читатели отредактированного издания «Стрелка», Стивен Кинг добавил в нём три новых титульных листа. На первом из них напечатана цитата из романа «Взгляни на дом свой, ангел», на втором красуется одинокая цифра 19, а на третьем можно увидеть слово «ВОЗОБНОВЛЕНИЕ». В коротком предисловии к «Волкам Калыи» Кинг говорит нам, что «ВОЗОБНОВЛЕНИЕ» — новый подзаголовок «Стрелка». В дополнение к этому подзаголовку автор добавил в свой роман зловещее ощущение дежавю. В версии 2003 года Роланд несколько раз чувствует, что необъяснимым образом знаком с ситуациями, в которых на самом деле оказывается впервые, словно он уже пережил их когда-то. В придачу, ему иногда кажется, что мир вокруг него эфемерен и нереален, как будто он сам не может воспринимать реальность или время так, как другие люди. Собственно, в самом начале исправленной книги Роланду кажется, словно у него внутри что-то обрывается и мир на мгновение становится прозрачным. Через несколько страниц он озвучивает чувство, что почти не привязан к миру — как будто правила, отвечающие за время и жизнь обычных людей, к нему неприменимы.

Все мы знаем, что Роланд не такой, как обычные мужчины и женщины, но я подумала, что мы, авторы комикса, сможем подтолкнуть свою историю в направлении, которое Стивен Кинг обозначил в дополненной версии романа. Если нам удастся объединить чувство дежавю с чувством того, что Роланд почему-то неподвластен привычным законам времени и пространства, мы смогли бы воссоздать сцену в хижине Брауна, одновременно сделав её новой. Мы не только повторяли бы темы, привнесённые Кингом в переработанный текст, но одновременно использовали бы эту сцену, чтобы пересказать прошлые события и ненавязчиво сообщить новым читателям важные понятия Срединного Мира — в первую очередь цикличность времени и *ка*.

После короткой сцены в хижине Брауна мы переходим к основной части повествования, которая состоит из путешествия Роланда по пустыне. В романе говорится, что после того, как стрелок оставил поселенца, прошло шестнадцать дней, прежде чем он наткнулся на дорожную станцию, и я не могла не думать о том, что же произошло в эти дни. Если жара и ветер в Мохане действительно были такими суровыми, то в этот период времени Роланд должен был найти где-то воду, но где? Вот примечание, которое я разместила после Сцены 1 («Роланд просыпается в хижине Брауна... опять») и перед Сценой 2 («Пустыня»):

ПРИМЕЧАНИЕ. Покинув хижину Брауна, Роланд шёл по пустыне 16 дней. При такой жаркой, сухой и, скорее всего, ветреной погоде человеку нужно до галлона воды² в день, чтобы поддерживать форму, поэтому Роланд никак не мог иметь при себе достаточно воды, чтобы продолжать путь. Следовательно, он должен найти по дороге воду. Первая часть сюжета использует это. Так как Роланд в состоянии протянуть всего 3–5 дней (в лучшем случае) без жидкости вообще, я подумала, что было бы интересно показать, как он находит воду, а потом начинает галлюцинировать, страдая от постепенно усиливающегося обезвоживания...

Сцена, в которой Роланд забирает у мертвеца в пустыне флягу, на самом деле позаимствована из потрясающего фильма Ингмара Бергмана «Седьмая печать». В нём странствующий рыцарь (немного напоминающий нашего стрелка) едет по пустыне, играя в шахматы с другим, своим человеком в чёрном. «Доган», в который заглядывает Роланд (и где на него нападают псы), основан на «Догане», который он видит в последней книге цикла. И кстати, Роландовский банкет из собачатины — шутка для самых преданных фанатов «Бесплодных земель». Как можно забыть утверждение Роланда, что на вкус мясо ушастиков-путаников даже хуже, чем собачье? И да, наш стрелок признаёт, что ЕЛ собак, так что я подумала, что было бы неплохо показать, когда это случилось и при каких обстоятельствах! (Огромное спасибо Питеру Дэвиду за указание, что вообще-то стрелок вряд ли съел собаку, которая могла быть больна бешенством, а также за то, что он нас спас, придумав способ решить эту проблему в тексте!)

Когда я продумывала сюжет для первой части, больше всего мне нравилось описывать галлюцинации Роланда. Два коротких предложения из оригинала породили в моей голове целую сцену. Я увидела параллель между пылающим солнцем и разноцветными окнами в детской Роланда. Габриэль, поющая сыну, была идеальным способом напомнить читателям о том, что Роланд случайно убил женщину, которая дала ему жизнь, и как он из-за этого страдает. И конечно, это видение матери Роланда не могло не оказаться кошмарным. Женщина, предавшая стрелков Джону Фарсону, просто *обязана* была превратиться в символ смертельно опасной пустыни — оживший пыльный вихрь.

И на этом, мои дорогие друзья, ещё раз спасибо вам за то, что продолжаете путь вместе с нами. До следующей встречи, долгих дней и приятных ночей!

Всего наилучшего,
Робин Фёрт

² Американский галлон ≈ 3,785 литра.

*«Это твой сигул», – прошептал умолкающий
голос.*

*«Это твоя надежда, что на этот раз всё может
пойти иначе, Роланд... что тебя может ждать
покой. Возможно, даже спасение...*

Если ты устоишь. Если не уронишь чести».

ЧАСТЬ 1

Есть одно старое выражение — не могу даже сказать, откуда оно взялось — которое звучит как «дажевию» или вроде того. Это такое чувство, когда ты смотришь на что-то и готов поклясться, что уже видел это раньше.

Плюс, конечно, есть поговорка, что ка — это колесо, а «ка» — это примерно как работает судьба.

Но колёса — они всё время крутятся. То есть ты в итоге сталкиваешься с этим «дажевию».

А Роланд Дискейн, последний стрелок, он... в общем, он в этом деле почти эксперт.

Я...
уже тут
был.

«Был»?

А кто
сказал, что ты
уходил?

Ты кто?

Браун. Как вчера
им был так и завтра,
скорее всего,
им останусь.

Это Золтан,
и с ним, пожалуй,
будет то же
самое.

И...
как я сюда
попал?

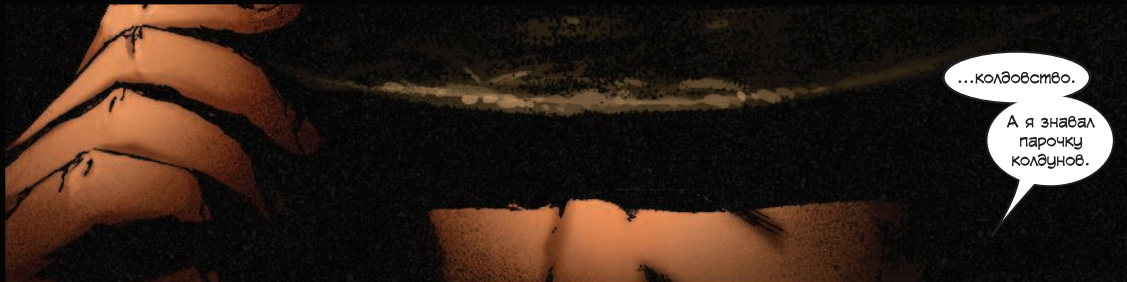
Ногами,
наверное. Потом
ты рассказал мне
историю, а потом
отрубился.

Только
не думай, что это
из-за качества твоей
истории. Она была
ого-го. Мы даже
не заснули.

Да... теперь
припоминаю.
Но я отсюда
ушёл.

Давным-
давно.

Как будто
тут заме-
шано...

...колдовство.

А я знавал
парочку
колдунов.

Осмелюсь сказать, мы все знали, но тогда большинство из нас этого не понимало.

Или, может, ты намекаешь, что я — человек, которого ты знал... даже знал за ним... только замаскировавшийся?

Или, может, мне просто стоит тебя пристрелить от греха подальше. Потому что я знаю, что ушёл отсюда...

Может, тебе приснилось. Сны бывают крайне убедительными.

Прямо перед тем как отключиться, ты спросил, не демон ли я. Помнишь?

Смутно. И ты ответил «нет».

Ответ не изменился. Я — просто я.

Уж точно не мозучий стрелок, способный в одиночку вырезать целый город.

Ты на этом остановился. Прошу, продолжай... если только больше уже не о чем... поТАЛковать.

...
Не смешно.